

АНДРЕЙ ПАНЧЕНКО

РЕВОЛЮЦИЯ

**ИМПЕРИЯ ОГНЯ
ВЫЖДЕЛИ**



Андрей Панченко

Революция

«Автор»

2026

Панченко А.

Революция / А. Панченко — «Автор», 2026

Захват ценного трофея оказался лишь первым шагом — и самым простым. Чем больше герои узнают чужих тайн, тем отчётливее становится ясно: враг не ограничивается просто противостоянием со своим почти бессмертным противником. За холодной логикой СОЛМО скрывается история уничтоженных миров, сломанных рас и цивилизаций, случайно втянутых в чужую войну. СОЛМО не просто контролирует — он стирает целые виды, превращая обломки чужих жизней в инструменты. Теперь командиру приходится принимать решения, от которых зависит не только исход операции, но и то, кем станут в этой галактике люди — освободителями, новыми хозяевами или ещё одной разменной пешкой между сторонами бесконечной войны.

© Панченко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Революция	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Панченко

Революция

Революция

Глава 1

Чувствую я себя как протухший, прошлогодний зомби, иначе и не описать. Трое суток без сна и отдыха, в постоянном нервном и физическом напряжении. В моем старом штурмовом комплексе штатная аптечка давно заколола бы меня до смерти различными стимуляторами и другими препаратами, и орала бы благим матом о том, что пора бы тебе мудака и отдохнуть, а еще похавать нормально, фильтры, расходники и батареи заменить, да и отстойник для отходов жизнедеятельности вытряхнуть. Да чего там говорить-то, и батареи бы у старого комплекса давно бы сели, от такой интенсивной движухи и стрельбы, но с симбиотом всё не так.

Этот паразит защищает меня, поддерживает во мне жизнь, питает мой организм и лечит, только вот когда ему самому не хватает энергии и пищи, он берется за своего носителя. Меня жрать начинает, скотина не благодарная! Я прям чувствую, как я сильно похудел, как мои мышцы стали меньше. Меня шатает от истощения и усталости.

Кира выглядит не лучше, хотя говорить я ей об этом не буду, ибо мне моя жизнь ещё дорога. Девочка подросток с анорексией, плоская, как доска. Куда все притягивающие взгляд нормального мужика выпуклости делись? Ясно куда – симбиот сожрал, гадина такая!

- Федя – обратился я к своему спиногрызу – как нам восстановится по-быстрому? В боевую форму прийти, пока время есть? Не нравится мне, что ты меня жрёшь, как аварийный паёк.

Симбиот отозвался не сразу. Не голосом — ощущением. Будто в позвоночник осторожно вдавили тёплый металлический стержень и провернули на пару градусов.

«Корректировка терминологии: паразит — неверно. Вынужденный симбионт. Состояние носителя: критическое истощение. Состояние симбионта: энергетический дефицит. Рекомендации: немедленное восполнение биомассы и энергии».

- А если по-человечески? - пробормотал я, опускаясь спиной к холодной, слегка пульсирующей стене захваченного отсека. - Без твоих отчётов, графиков и «рекомендаций».

Пауза. Чуть длиннее обычной.

«По-человечески: Нужно поесть. Нужно спать. Нужно перестать стрелять хотя бы несколько часов».

- Ха, - хрипло усмехнулся я. - Отличный план. Особенно пункт про «перестать стрелять». Ты вообще знаешь, где мы? Тут даже стены иногда кусаются.

Федя... вздохнул. Я не уверен, что симбиоты умеют вздыхать, но ощущение было именно такое.

«Альтернативный ускоренный протокол восстановления доступен. Риск для носителя: высокий. Риск для симбионта: высокий. Эффективность: 73%».

- Ты издеваешься? - Я приоткрыл глаза. – Риск высокий, а всего семьдесят три процента...

«Это очень хороший показатель в текущих условиях».

Я молча смотрел в потолок, где странный живой металл из которого был собран корабль СОЛМО медленно перестраивал структуру, будто пыталась понять, зачем в неё врос такой проблемный кусок мяса, как я.

- Ладно. Давай. Что за протокол?

Снова пауза. Теперь уже ощутимо тяжёлая.

«Прямое подключение к узловым биохранилищам корабля. Интенсивная переработка доступной биомассы. Форсированная регенерация мышечных волокон, сосудов и нейронных связей. Побочные эффекты возможны».

- Какие именно «побочные эффекты»? — насторожился я.

«Тошнота. Боль. Потеря ориентации. Временные провалы памяти. И...»

- И?

«Возможны изменения восприятия. И усиление эмоциональных реакций».

Я хмыкнул.

- То есть я стану ещё более раздражительным и злым?

«Вероятно».

- Да куда уж больше...

В этот момент рядом плюхнулась Кира. Тоже прислонилась к стене. Под глазами тени, губы сухие, взгляд - как у человека, который держится исключительно на упреждении.

- Ты сейчас разговаривал сам с собой или с этим... - она ткнула пальцем мне в грудь, - ...пожирателем человечины?

- С пожирателем, - честно ответил я. - Он предлагает нам быстро прийти в форму. Почти бесплатно. С лёгким риском сдохнуть.

Кира криво усмехнулась.

- Прекрасно. Люблю такие предложения. А мне что?

Я посмотрел на неё. Потом — внутрь себя.

- Федя?

«Состояние второго носителя: аналогичное. Рекомендую синхронизированное восстановление. Совместный протокол повысит эффективность и снизит расход ресурсов».

Кира прищурилась.

- Мне не нравится, как ты на меня смотришь, Найденов.

- А мне не нравится, как я себя чувствую, - ответил я. - Но если мы сейчас не восстановимся, следующий бой мы просто не вытянем. Не известно ещё, куда нас выкинет при выходе из гипера.

Она помолчала пару секунд. Потом кивнула.

- Ладно. Врубай своего каннибала. Только если он попытается откусить от меня что-нибудь лишнее - я его столовой ложкой зарезу. Медленно. И кстати, что за «биохранилища корабля»? Нафига оно на корабле СОЛМО? Тут же нет живых.

- Тут они были и есть – Возразил я – Эти биоформы, что мы освободили.

- Они интегрированы с симбиотами, еда им не нужна – Возразила Кира – Эти паразиты могут питаться и просто энергией, поддерживая жизнь носителя. Так что вопрос остается – зачем тут биохранилище?

- Тебе лучше не знать – Грустно усмехнулся я.

- Да говори уже – Устало отмахнулась Кира – Хватит строить из себя всезнающего и загадочного мудака!

- Трупы погибших биоформ, отходы их жизнедеятельности, остатки коконов от симбиотов, остатки органики, которую СОЛМО признал нецелесообразной для дальнейшего использования.

Кира медленно выдохнула. Не резко, не с отвращением — скорее так, как выдыхают люди, которые уже давно перестали удивляться, но иногда всё равно надеются, что, когда ни будь достигнут дна своих проблем и несчастий.

- То есть... - она на секунду прикрыла глаза. - Мы будем жрать из помойки?

- Не мы, - поправил я. – наши симбиоты. Мы - конечный продукт переработки. Как... - я поискал сравнение, - как биологический батончик с повышенным содержанием белка. Ну и с кучей полученных по этому поводу комплексов и сожалений.

«Формулировка некорректна», — тут же отозвался симбиот - «Процесс включает многоступенчатую очистку, дезинтеграцию и рекомбинацию биомассы. Этическая оценка не требуется».

- Конечно не требуется, - буркнула Кира. - У тебя её просто нет.

Она посмотрела на стену, напротив. Та дрогнула, пошла мелкой рябью, будто услышала разговор и решила сделать вид, что это не про неё.

- И как это будет выглядеть? - спросила Кира уже спокойнее. - Я начну жрать тухляк, меня стошнит, потом я умру от интоксикации, а потом проснусь бодрой и злой?

«Последовательность приблизительно верна. Пункт «умру» - статистически маловероятен».

- Успокоил, - хмыкнул я. - Просто образцовая медицина будущего. Ладно, выхода всё равно нет. Начинай!

Я дал мысленную команду.

Сначала ничего не произошло. А потом корабль отреагировал. Где-то в глубине отсека прошёл низкий, вязкий гул. Не звук - вибрация, как будто гигантский орган сделал пробный вдох. Стена за нашей спиной разошлась, не раскрылась, а уступила, словно плоть под давлением. Внутри - полупрозрачная камера, заполненная густым, тёмным гелем, в котором медленно вращались фрагменты чего-то неопределённо органического.

- Ну ни хрена себе капсула восстановления... - прошептала Кира, с отвращением разглядывая содержимое камеры. - Курорт «Все включено». И грязевые ванны, и диета, и СПА. Не так я себе это представляла... Найденов, мы катимся по наклонной, деградируем на глазах! Так глядишь скоро кровь пить начнем, и людей жрать!

«Рекомендуется немедленное погружение. – перебил её мой симбиот - Синхронизация симбионтов начнётся автоматически».

- Если ты меня обманул, Найденов... - начала Кира.

- Я буду слишком мёртв, чтобы насладиться твоей мезьей, — ответил я и без промедления шагнул вперёд, чтобы не дать себе времени передумать.

Гель был тёплый. Слишком. Он обволакивал, лип к скафандру, проникал под броню. В следующий момент мир сжался до ощущений: давления в груди, резкой боли в мышцах - будто их рвали и тут же собирали заново — и вкуса металла во рту.

Кира вскрикнула где-то рядом. Связь между нами вспыхнула напрямую через наших симбиотов. Чужие эмоции, страх, злость, упрямство - всё это навалилось разом, без фильтров.

«Начинаю форсированную регенерацию», - сообщил симбиот. - «Просьба: не сопротивляться. Это увеличит болевые ощущения».

- А если я люблю страдать? - успел подумать я, прежде чем сознание начало рваться на куски.

Последнее, что я почувствовал, - как что-то внутри меня ест. Быстро, жадно, без церемоний. А потом - темнота.

Я не видел ничего, зато я чувствовал. Темнота оказалась не пустой. Она была плотной, вязкой, как тот самый гель, только теперь — внутри головы. Мысли не исчезли, они расползлись, потеряли форму. Воспоминания всплывали обрывками, без очереди и логики: наш крайний абордаж, крик Зага, искажённое тело биоформы АВАК, ледяная вода океана, запах гари и металла... и вдруг — совершенно не к месту - старая база штрафников, скрипучая койка и голос инструктора, матерящийся так, будто это его единственный родной язык.

Я попытался вдохнуть - и не понял, дышу ли вообще.

«Дыхание компенсировано», - спокойно сообщил Федя, будто мы обсуждали погоду. – «Сознание носителя дестабилизировано. Это нормально».

- Конечно нормально... - хотел сказать я, но рот не слушался. Тело вообще перестало быть чем-то цельным. Я чувствовал его фрагментами: здесь - боль, там - жар, где-то - холодная пустота, а глубже - странное ощущение, будто меня переписывают. Не лечат, а именно переписывают, как кривой файл.

Через симбиотическую связь накатила Кира. Не словами — ощущением. Ярким, колючим, злым. Если бы злость могла быть формой жизни, она выглядела бы именно так.

- Найденев, если я выживу, я тебя убью... - мысль была рваной, но очень чёткой.

- Записал в очередь, - ответил я чем-то, что даже мыслью назвать было сложно.

Боль вспыхнула снова. Мышцы сокращались сами по себе, потом резко расслаблялись. Кости будто хрустели изнутри, хотя я понимал - это симбиот ускоренно наращивает плотность, меняет структуру, заливает всё это каким-то биологическим клеем.

«Фаза регенерации мышечной ткани: 42%», - отчитался Федя. - «Наблюдается превышение допустимого болевого порога».

- Да ты что... - мелькнуло у меня. - А я и не заметил...

И вдруг — тишина.

Боль не исчезла, но отступила, стала фоном. Сознание начало собираться обратно, как разбросанный пазл. Я снова почувствовал границы тела. Тяжёлые, непривычно плотные. Сердце билось ровно, сильно — не загнанно, как раньше, а уверенно, будто ему вернули заводские настройки.

Я открыл глаза.

Гель уже не был тёмным. Он посветлел, стал почти прозрачным, а фрагменты органики внутри камеры распались в мелкую взвесь и исчезали, втягиваясь в стенки. Камера медленно «растворялась», отпуская меня обратно в отсек.

Я вывалился наружу и едва не упал — но не от слабости. Наоборот. Тело было... слишком готово к действию. Мышцы напряжены, реакция резкая, как у хищника, которого только что выпустили из клетки.

Рядом, на коленях, стояла Кира. Тяжело дышала, но взгляд... взгляд был другим. Ярким. Слишком сфокусированным.

- Ну что... - она подняла голову и оскалилась. - Живы. И, боюсь, даже слишком. Я хочу кого ни будь убить! Вот хотя бы и тебя Найденев! Скотина, как вспомню, как ты со мной иногда обращался... Я едва сдерживаюсь!

Я прислушался к себе. К ощущениям. К симбиоту. И поймал себя на мысли, что тоже сейчас смотрю на Киру не как на свою подругу и любовницу, а как на потенциального противника. Её фигура меня раздражала, вызывала злость. Идеальные формы, которые снова стали проступать за изгибами брони скафандра - хотелось сломать! Стоп! Это не мои мысли, а реакция организма на ускоренную регенерацию, о которой предупреждал симбиот...

- Федя? - мысленно позвал я.

«Протокол завершён. Регенерация: успешна. Ресурсы восполнены частично. Боеготовность носителей: высокая. Эмоциональная активность: не стабильная. Рекомендация: временно исключить контакты с союзными биоформами».

- Частично? - Усмехнулся я, поднимаясь на ноги и стараясь не смотреть на собравшуюся будто взведенная пружина Киру. Меня не шатало. Совсем. - Ты, главное, больше меня так не жри. Я тебе не шведский стол!

«Запрос отклонён» — невозмутимо ответил симбиот. – «Приоритет: защита носителя».

- Тфу на тебя, идиот! – Выругался я и посмотрел на Киру. Она посмотрела на меня. Мы оба одновременно поняли одно и то же.

- Придумай уже, как создать в этой консервной банке нормальную атмосферу! Чтобы ходить без скафандров! – Зло процедила Кира, с трудом держа себя в руках – Я тебя сейчас чуть не убила, а могли просто потрахаться, как обычно! Кто из нас мужик?! Реши проблему Найденов!

- Да у меня времени не было даже вздохнуть! – Возмутился я - с управлением едва разобрались и сбежали полумертвые, а ты уже какого-то комфорта просишь? Когда бы я успел?!

- Ой, всё! – Включила заводские настройки Кира, и развернувшись пошла от меня прочь, виляя снова идеальными бедрами. – Я на мостик, может быть Баха придумает, как решить этот вопрос. Он умный, в отличии от тебя!

Я ждал кулаки, чтобы не побежать за ней и не сделать какую-нибудь глупость. Не из ревности — из того тупого, животного, боевого «догнать-удержать-подчинить», которое симбиот включил во мне вместе с новыми мышцами.

Симбиот, кстати, не молчал.

«Внимание. Носитель фиксирует неверную цель. Рекомендация: переключить фокус на задачу. Приоритет: выведение корабля из гиперперехода без потери управления».

- Спасибо, капитан очевидность, - процедил я и пошёл следом, не слишком быстро. Чтобы не показывать Кире, что меня колбасит.

Кира уже была на мостике, когда я до него дошел. Стояла рядом с Бахой, который возился возле панелей управления. Захваченные в доки информационные модули она просто скинула со своей брони к себе под ноги, где они теперь валялись бесформенной кучей.

- О, - не оборачиваясь, сказала Кира. - Мужик пришёл. Решать проблемы.

- Я решаю, - буркнул я. - Просто ты мешаешь своим... темпераментом.

- Мой темперамент - это последнее, чего здесь стоит опасаться, - огрызнулась она.

Баха поднял на меня взгляд.

- Командир, плохая новость: корабль сам собирается выходить из прыжка. Похоже, СОЛМО заложил аварийный таймер. Хорошая новость: мы этот выход можем слегка «подправить». Вопрос - успеем ли.

Я подошёл к панели управления, положил ладонь на пульсирующую поверхность. Она отозвалась лёгкой дрожью, как кожа под пальцами. Корабль отозвался и мне на имплантат потокам полилась информация. Если переводить все на человеческий язык, он сообщал мне, что маршрут гиперпрыжка не безопасен, есть риск опасного сближения с неопознанными объектами.

- Можем короче во что-то воткнуться... – прошептал я про себя, обдумывая возникшую проблему – Хотя меня это сейчас немного меньше пугает, чем эта перекаченная гормонами и адреналином дура.

- Я всё слышу! — Возмутилась Кира – Сам дурак! Ты вообще, кем себя возомнил?! Ну ка иди сюда скотина!

«Федя, падла такая, сделай с этим что ни будь, пока мы друг друга не поубивали! Срочно!»

«Выполняю. Принять частичный контроль над полевым оператором Кира? – Удивил меня симбиот.

- Делай!

Тепло в затылке стало более ровным, менее «животным». Кира тоже замерла на секунду, моргнула, будто её отпустило.

- Спасибо... — буркнула она и тут же спохватилась. - То есть... не спасибо, понял? Просто... меньше хочется тебя убить.

- Прогресс, - сказал Баха. - Давайте работать. И объясните мне наконец, почему вы такие бодрые, сытые и злые?

- Прошли ускоренную регенерацию – Ответил я – Поели короче, чем бог послал, а злость и агрессия – побочный эффект.

- Скажи уже как есть – Рассмеялась Кира – Дерьма нажрались, а это настроение не поднимает.

- Ого! – Баха удивленно присвистнул – Это же отлично, можно значит и Зага так восстановить!

«Запрет!» - Едва только инженер озвучил свою мысль, как мгновенно пришел ответ от моего симбиота.

- Что? - я даже замер. - В смысле «запрет»? Мы же...

«Таким способом нельзя регенерировать носителя Заг. Причина: нестабильный симбиоз. Несовместимость протокола с текущей структурой симбионта. Риск: распад. Риск: гибели носителя. Риск: потеря личности».

Я сглотнул. Во рту снова появился металлический привкус — не от боли, от злости.

— То есть ты мне сейчас говоришь, что если я суну Зага в эту помойную капсулу, его просто... там и растворят?

«Да».

Слово было короткое. Без эмоций. Но от него стало холодно.

Я посмотрел на Киру. Она тоже поняла.

- Он и так едва жив, - тихо сказала она.

«Возможны альтернативы:

- медленная регенерация;

- стабилизация симбиоза через энергообмен;

- временная криоконсервация».

- Кριο? - Баха поднял брови. - На этом корабле есть кριο?

«Есть режим сохранения биоматериала. Но он несовместим с кислородной атмосферой».

Я моргнул.

- Подожди. Какая ещё несовместимость? Мы же как раз... атмосферу хотим.

«Создание атмосферы для людей приведёт к гибели союзных биоформ АВАК. Причина: состав смеси. Включает активные компоненты, токсичные для их метаболизма. Также изменит фон поля, на котором держится их симбиоз. Вероятность гибели: 68–91% в течение 20–40 минут. Вероятность необратимых повреждений: выше».

- Подожди... - Кира сделала шаг вперёд, пальцы сжались. - Ты хочешь сказать, что если мы тут сделаем «нормальный воздух», мы их просто задушим?

«Да».

Кира стояла молча. Сжимала и разжимала пальцы, будто ей хотелось кому-то врезать. И я понимал — кому именно.

- То есть выбираем, - сказала она наконец. Голос тихий, почти спокойный. - Или мы ходим без скафандров... или сохраняем союзников.

Я медленно выдохнул.

- Значит так, - сказал я. - Атмосферу - отменяем. Частично. Баха, нужно попробовать сделать локальные станции. Малые отсеки под людей, с фильтрами и шлюзами. Чтобы мы могли снять шлем хотя бы на час, но не травить биоформ. Короче, сделай нам каюты, где можно отдохнуть!

Баха быстро кивнул.

- Можно попробовать, если тут вообще есть функция регенерации газовых смесей.

Кира посмотрела на меня. Взгляд тяжелый, но уже без прежней ярости.

- Ладно, мужик, - сказала она. - Это было... разумно. Вычеркиваю этот твой косяк из своего списка.

Я хотел съязвить в ответ, но в этот момент корабль дёрнуло. Не как при манёвре. Как при ударе. Стены вокруг пошли волной. Внутри черепа будто щёлкнуло: пространство перекошило.

«Выход из гиперпрыжка» - как сложившийся факт сообщил мне корабль, не спрашивая моего разрешения.

- Держитесь! – крикнул я.

- Держаться за что?! - успел рывкнуть Баха.

И нас выбросило.

Ощущение было такое, будто тебя выдернули из горячей бани и кинули в ледяную прорубу - резко, без предупреждения, с болью во всех внутренних органах. Гравитации не было, но инерция ударила так, что меня расплющило внутри скафандра. Рёбра благодарно хрустнули — новые, укреплённые, иначе бы сломались.

На визоре на мгновение вспыхнули хаотические символы: СОЛМО-пометки, чужие координаты, обрывки векторов. Потом - резкий стабилизирующий импульс.

И тишина.

Только теперь это была настоящая космическая тишина — не внутри корабля, а снаружи, когда все внутренние системы замолкают на секунду, чтобы сориентироваться в пространстве.

Внешние сенсоры включились рывком. Визор заполнил вид звёздного поля. И я сразу понял: что-то не так.

Звёзды... дрожали. Не мерцали - дрожали, будто кто-то тряс ткань пространства. Слева висела огромная, тусклая полоса — газовый хвост, как у кометы, только слишком широкий. Справа... справа была тень. Не объект. Провал.

- Это что за... — прошептал Баха.

Федя ответил раньше, чем я успел спросить.

«Мы вышли в зоне гравитационной аномалии. Риск: разрыв структуры корабля при манёвре».

Глава 2

Я машинально приказал имплантату объяснить мне происходящее. Пилотские базы содержали в себе десятки, если не сотни тысяч вариантов решения разных проблем и нестандартных ситуаций.

Если говорить как в учебнике по астрономии, то мы вляпались в зону гравитационного искажения сложного типа. Не чёрная дыра - слишком слабо. И не нейтронная звезда - нет характерного излучения. И даже не классический гравитационный линзовый объект. Перед нами была рваная аномалия пространства-времени, образованная наложением нескольких факторов. Массивный объект, давно схлопнувшийся или ушедший за пределы наблюдаемого диапазона - возможно, коллапсировавшее ядро звезды. Остаточная энергия гиперпереходов, накопленная за десятки или сотни лет. Кто-то очень часто «нырял» здесь в гипер и обратно, разрыхляя локальную метрику пространства. Сдвиг фаз вакуума - редкая и крайне неприятная штука, при которой само пространство перестаёт быть однородным.

В нормальных условиях пространство описывается простой моделью: три измерения, плюс время, гладкая геометрия. Здесь же эта геометрия была порвана, как старая карта, склеенная скотчем.

Звёзды «дрожали» не потому, что двигались. Они находились в разных временных фазах относительно нас.

- Это гравитационный котёл... - выдохнул Баха. - Слои пространства трутся друг о друга.

«Корректировка», - добавил Федя. - «Терминология: многослойная кавитационная зона. Внутри - хаотические перепады плотности пространства-времени. Аналогия: корабль внутри бурлящего водоворота, где сама вода периодически исчезает».

Я сглотнул.

- То есть мы сейчас... не совсем существуем?

«Мы существуем. Но не целиком в одном месте».

Именно это и было самым опасным. Корабль СОЛМО построен по такой технологии, что он чувствует пространство, а не просто рассчитывает его. И сейчас он чувствовал... боль. Реальную, почти животную. Его оболочка реагировала судорогами: живой металл на стенах то уплотнялся, то разжижался, пытаясь подстроиться под меняющуюся кривизну пространства.

- Если мы начнём манёвр... - начал Баха.

- Нас размажет, - закончил я. - По слоям.

Пилотские базы, что давали мне информацию были беспощадны: Любая активная тяга в зоне сильной гравитационной неоднородности приводит к усилению приливных сил. Проще говоря - корабль порвёт не сразу, а аккуратно, как тряпку по швам.

- Тогда что делать? - тихо спросила Кира. Без язвы. Это было плохим признаком.

Я закрыл глаза пытаясь найти решение. Не многие из пилотов попавших в такие ситуации делились потом своим опытом с другими. Выживших кораблей было на столько мало, что их можно было пересчитать по пальцам одной руки. И каждый из выживших действовал по-своему. Универсального решения не было. Но в теории, вся было просто, и я решил прислушаться к совету имплантата.

- Мы не будем выходить из аномалии, - сказал я. - Мы позволим ей нас вынести.

- Это как?! - Баха аж всплеснул руками.

- Как соринку в водовороте. Без тяги. Без векторов. Без попыток «рулить».

«Подтверждаю», — неожиданно поддержал Федя. - «Рекомендован режим: полная пассивная стабилизация. Отключение активных полей. Переход в состояние гравитационного дрейфа».

Кира посмотрела на меня внимательно.

- Ты уверен?

- Нет, - честно ответил я. - Но это единственный вариант, при котором нас не разорвёт гарантированно.

Баха замер на секунду, потом резко выдохнул и начал действовать.

- Ладно. Глушу всё, что можно. Двигатели - в минимум. Поля - в спящий режим. Всё, готовьтесь, мы... падаем.

Это ощущение было хуже любого удара. Как будто исчезла опора. Будто ты стоял на твёрдом полу, а он внезапно оказался иллюзией. Гравитация внутри отсека пропала полностью. Нас мягко потянуло куда-то... не вниз, а вбок, по кривой, которую невозможно было представить.

Звёздное поле на экране визора начало медленно скручиваться. Не вращаться — именно скручиваться, как мокрая тряпка. Тень справа растянулась, стала глубже, а газовый хвост слева рассыпался на слои.

«Мы движемся вдоль градиента плотности пространства», — комментировал Федя. — «Скорость — не линейная. Время локально ускоряется».

- Это ещё как понимать? - пробормотала Кира.

- Если совсем просто, - ответил я, - мы сейчас вылетаем отсюда быстрее, чем кажется. Для нас прошло минуты. Снаружи... может пройти что угодно.

Корабль вдруг перестал дрожать. Живые стены расслабились. Металл стал плотным, уверенным. СОЛМО нашёл поток. И потом — резкий, но мягкий щелчок. Не удар. Скорее, ощущение, что тебя наконец вытащили из тесного, неудобного положения. Звёзды встали на места. Газовый хвост исчез. Тень схлопнулась в ничто.

Сенсоры синхронно перезагрузились, один за другим. Пространство снова стало... обычным. Трёхмерным. Послушным. Предсказуемым.

- Мы... живы? - осторожно спросил Баха.

Я посмотрел на показания.

- Более того. Мы в стабильной зоне. И, судя по фону... далеко не там, где планировали.

Кира выдохнула и впервые за долгое время усмехнулась по-настоящему.

- Ну, значит, всё как всегда. Хотели одно - получили чёрт знает что.

Мой симбиот подвел итог:

«Аномалия пройдена. Потерь нет. Вывод: пассивное взаимодействие с искажённым пространством увеличивает вероятность выживания. Рекомендация: избегать гравитационных аномалий».

- Умный, да? - сказал я и откинулся назад. — Теперь то и я это знаю. Нам просто повезло, но могло и не повести. Если бы мы были не на корабле постройки СОЛМО, который может сам адаптироваться, а в консервной банке постройки людей, нас бы там ещё при выходе на куски порвало.

Симбиот промолчал, а корабль тихо гудел. Живой. Целый. Теперь оставалось только узнать, куда мы попали, найти координаты системы Жива, вокруг которой вращался Мидгард, и вернуться к своим. Мелочи, по сравнению с тем, что мы пережили.

Я первым делом мысленно приказал навигационному узлу найди координаты этого места, чтобы узнать где мы. На визоре всплыло поле координат. Система. Дальняя. Я смотрел на цифры и чувствовал, как на затылке холодеет. Не потому что страшно. Потому что знакомо. Не по памяти — по... метке. У имплантата, у Феде, у самого корабля в структуре было что-то вроде рефлекса: «не лезть».

- Ну? - спросила Кира, уже пришедшая в себя и снова обретшая привычный тон. - Где мы? Только не говори, что «в жопе вселенной», это и так понятно.

Я не ответил сразу. Сначала вытащил самое главное: источник выбора.

В навигационной базе корабля висели тысячи точек — узлы, стоянки, аварийные коридоры, места, где СОЛМО когда-то... жил. Я тогда, в прыжке, выбрал одно из них наугад, просто чтобы потом «подправить» выход и не вылететь в камень или в звезду. Слепой выбор.

А теперь этот слепой выбор смотрел на меня с экрана как приговор.

- Мы не в системе Жива, - сказал я наконец. - Мы... в старом промышленном секторе СОЛМО.

Баха моргнул.

- Промышленном... секторе?

Я кивнул на координаты.

- В бывшем промышленном секторе. Он тут был когда-то. Судя по маркерам - крупный. Очень крупный. Потом... бросили.

Федя вклинился как всегда в самый «подходящий» момент, он тоже через меня имел связь с кораблем, и нашел нужную информацию для своего носителя: «Объект: «Сектор переработки и сборки. Узел 12–В». Статус: эвакуация завершена. Причина: формирование устойчивой аномалии класса «клин». Рекомендация: не приближаться к центральной зоне».

- «Клин»... - повторил Баха. - Это... короче говоря, СОЛМО тут обосновалось несколько миллионов лет назад, когда система была стабильна, а потом ядро звезды пошло в разнос. В добавок они сами, бесконечными прыжками в гипер создали тут не стабильное поле пространства... Я прав?

«Да».

Коротко. Жёстко. Без вариантов.

Я переключил внешний обзор на широкий. Сенсоры сначала упирались в шум - тут всё было забито мусором, полями, остаточной активностью, как радиопомехами на старом приёмнике. Потом картинка стабилизировалась, и мы все одновременно замолчали.

Потому что это было... эпично и некрасиво.

Красиво бывает, когда космос пустой и чистый. Когда звёзды далеко, а твой корабль - единственная пылинка. Здесь же космос был захламлён.

Перед нами висело поле объектов. Плотное, беспорядочное, бесконечно протяжённое. Оно не вращалось вокруг планеты и не держалось на гравитации - оно просто дрейфовало, склеенное остаточными полями и старой инженерией. Как гигантская мусорная куча, которую никто не решился разгрести.

- Охренеть... — прошептала Кира. И это было не восхищение, а чистая человеческая растерянность.

Это была свалка СОЛМО. Гигантская свалка! Целые секции доков - как позвончики космических китов, сплетённые в пучки. Станции - полураскрытые, с распахнутыми «лепестками» шлюзов, будто они замёрзли в момент эвакуации. Корабли - десятки, сотни... разных поколений: одни - гладкие и живые, будто ещё недавно дышали; другие - грубые, угловатые, с примитивными ребрами, как ранняя эволюция их технологий.

Баха тихо свистнул.

- Это же... музей. Только без табличек и без охраны. И всё - списанное.

Я приблизил картинку. Сенсоры подсветили сигнатуры. Пассивные. Полуживые. Мёртвые. Некоторые объекты держали в себе остаточную энергию - как тлеющие угли в костре, который давно никто не раздувал.

- Почему они это не утилизировали? — спросила Кира. — Почему просто бросили?

Я не успел ответить - ответил симбиот.

«Причина: аномалия. Обработка и утилизация невозможны из-за нестабильности зоны. Оставлено как буферный пояс. Дополнительно: это место отмечено как «мёртвый сектор» - зона, в которой СОЛМО не гарантирует сохранность структуры».

- Буферный пояс... - повторил я, и внутри стало неприятно пусто. - То есть они сами сделали из этого... заслон. Мусорный вал. Чтобы аномалия не жрала всё остальное.

Баха быстро перебирал данные, как будто пытался найти в этом хоть что-то логичное.

- Координаты... да, действительно... - Он ткнул в строку навигации. - Точка была в базе. Помечена как «узел обеспечения». Старый. Заброшенный. И... вот эта пометка: «точка выхода не безопасна». То есть мы прыгали наугад, и из тысяч вариантов случайно выбрали место, где нас могло размазать по космосу в блин меньше молекулы толщиной. Да мы просто везунчики.

Кира хмыкнула.

- Не удивлена. Если у Найденова будет выбор между безопасной и тихой звездной системой и космической помойкой, он выберет последнее даже не задумываясь. Это у него инстинкты. Из помойки едим, в помойках ковыряемся, на раздолбанной помойке летаем, на людей уже не похожи...

Я добавил зум на дальнюю область. И там, в глубине, уже не мусор, а тень. Настоящая. Густая. Как будто кто-то вырезал кусок космоса и забыл вставить обратно. Это и был тот самый «клин». Аномалия. Причина эвакуации. Она не светилась, не вращалась, не излучала. Просто ломала перспективу. Пространство вокруг неё чуть-чуть... не совпадало само с собой.

- Меня сейчас стошнит от всей этой херни - Я мрачно обозревал окрестности. - Может ты Кира и права, чем дальше, тем всё хуже и хуже. Надо валить отсюда.

Баха прокашлялся.

- Ладно. Ну чего вы такие мрачные? Не всё так плохо. Если это промышленный центр... тут должны быть ресурсы. Запчасти. Энергоблоки. Может даже стабильные доки, где можно восстановить часть систем корабля. И... — он замаялся, глядя на меня. — Может всё же пороемся тут, прежде чем уходить?

Я молчал секунду. Потом кивнул.

- Да. Согласен. Просто так уходить глупо, раз уж мы тут. Надо хотя бы разведать. Но аккуратно. Эта свалка не просто так. СОЛМО бросает вещи только тогда, когда они опаснее, чем полезны.

Корабль, как будто подтверждая мои слова, дал мягкий толчок - и сам начал медленно поворачивать нос в сторону ближайшего скопления конструкций. Туда, где среди обломков маячили относительно целые кольца дока - огромные, как орбитальная верфь, только мёртвая.

Кира стиснула зубы.

- Ну что, командир? - она на секунду улыбнулась, правда без веселья, устало. - У нас очередная экскурсия по кладбищу? Помню было у нас уже такое, и всё это плохо закончилось. Помнишь блуждающую планету? Куча моих парней тогда зазря погибла.

- Не зря! - я скрипнул зубами - Мы нашли тогда оружие и кучу всего полезного, что помогло нам в нашей борьбе! Не обвиняй меня в их гибели! Я за их спинами не отсиживался, я, как и ты и они, тогда тоже рисковал своей жизнью!

- Прости - Кира явно пожалела о сказанном - Ляпнула не подумав. Ты прав, они не зря погибли, и ты не виноват. Но всё равно, это было... не правильно. И сейчас у меня как будто дежавю.

- Не переживай - Я криво усмехнулся - Сейчас мы будем рисковать только собой.

Я положил ладонь на пульсирующую панель. Корабль ответил дрожью — как живое существо.

- И это не кладбище. Живых тут скорее всего никогда не было. Разве что пленные биоформы АВАК. Но и это не совсем разумная жизнь, а просто биотехноидная система. Те же роботы, только построенные по другой технологии. Разве что тут держали кого-то из наших новых союзников... — сказал я. — Не бери в голову короче, считай, что это не кладбище, а свалка. На кладбище хотя бы тишина и порядок. А здесь... здесь СОЛМО бросил то, что даже ему самому было стрёмно трогать.

И мы медленно вошли в поле старого железа и композита - в гигантский, бесконечный хлам, где среди вечного молчания могли быть и спасение, и ловушка.

Сначала казалось, что мы просто летим через мусорное поле. Потом я понял: это не поле. Это система. Своя, со своими «улицами», тупиками, мёртвыми развязками и старой логикой, которую уже никто не поддерживает, но она всё ещё держит форму.

Корабль СОЛМО шёл не по прямой - он выбирал траекторию так, будто помнил, где тут раньше были коридоры движения. Где-то в глубине корпуса дрожали мембраны сенсоров, как нервные окончания. Он не просто «видел» - он узнавал.

- Смотри, - Баха как замороженный смотрел на открывшуюся нам картину. - Тут... орбитальные доки. Несколько. И это не просто кольца - это были сборочные рамки. Под них заводили корпус, и он... выращивался.

Кира скривилась.

- Вот блин, я опять представила, как они это делают. Уберите из моей головы слово «выращивался».

Я молча кивнул и дал команду приблизиться к ближайшему относительно целому объекту. Кольцо дока висело в темноте, как гигантская кость. Рёбра каркаса были оплетены тем, что когда-то было живым композитом, но теперь стало сухим, тусклым, покрытым пятнами кристаллизации. Сенсоры нашего корабля скользнули по поверхности - и я увидел тысячи мелких меток. Это были и не буквы, и не символы, скорее... шрамы.

Федя перевёл: «Метки утилизации. Метки эвакуации. Метки карантина».

- Карантин? - напрягся Баха.

«Да. Для отдельных секций. Причина: нестабильное поле. Риск самопроизвольной активации».

Кира тихо выругалась.

- То есть тут может внезапно «ожить» какая-нибудь старьё?

- Не «ожить», - буркнул я. - Скорее... вспомнить, что она когда-то была кораблём.

Мы прошли вдоль каркаса, обходя крупные обломки. Внешний обзор показывал всё больше и больше деталей - и чем больше деталей, тем хуже становилось на душе.

Потому что это была не свалка по принципу «сломалось - выбросили». Это было кладбище технологий, где лежали целые эпохи СОЛМО, сваленные слоями: сверху - относительно новые формы, гладкие, гибкие, похожие на живую ткань; ниже - старые, грубые, с жёсткими ребрами и большими технологическими швами, как у ранних прототипов. И всё это - в одном месте. В одном «мешке».

- Они сюда всё стаскивали, - тихо сказал Баха. - Всё, что нельзя было оставить в рабочих секторах.

- И всё, что нельзя было спокойно утилизировать, - добавил я.

Корабль вдруг подал короткий импульс тревоги. Не сиреной - спазмом в стенах. Как будто кто-то снаружи прикоснулся к нему холодным пальцем.

«Пассивный захват поля», - сообщил симбиот. - «Внешняя структура пытается резонировать с оболочкой корабля. Риск: паразитная синхронизация».

- Говори нормально, - процедила Кира.

«Нас пытаются перехватить».

Глава 3

Я почувствовал, как корабль напрягся и чуть изменил курс — на сантиметры, на доли градуса. И этого хватило: давление ушло. Попытка старого дока поймать мой корабль в свой захват и пристыковать к себе провалилась, так толком и не начавшись. Мы беспрепятственно проскользнули дальше.

Я не мог отогнать от себя тревожные чувства. Вроде прямой опасности нам пока не грозило, но сама обстановка, что нас окружала... Космос вокруг был не «чёрный» - он был большой. Свет звёзд проходил через аномалию и ломался, как через толстое стекло: где-то вытягивался нитями, где-то тухнул пятнами. На дальнем фоне мерцали слабые, похожие на полярные завихрения - не сияние, а дрожь поля, словно кто-то огромный и невидимый водил пальцем по поверхности реальности. И даже привычная тишина вакуума здесь ощущалась иначе - не как отсутствие звука, а как тревожное ожидание.

Я «любовался» этим кошмаром ни долго, пока ни увидел главное. Сначала это выглядело как просто плотнее набитая зона. Потом сенсорная сетка выдала контуры, и мой желудок скрутило сильнее, чем от вида аномалии.

Перед нами была гигантская свалка станций, собранная в подобие горного массива. Это была не метафора - реально массив. Слои конструкций, слипшиеся между собой, переплетённые, местами спаянные неизвестной энергией или полями. Тут были грузовые хабы, сборочные фермы, будто скрученные в узлы, доковые ворота размером с город, и корабли — корабли, корабли, корабли...

Некоторые секции ловили отражение далёкой звезды и на секунду вспыхивали, как лёд на солнце - после чего снова уходили во мрак. Между «склонами» этого массива тянулись щели-ущелья, и в них дрейфовала пыль - мелкая, металлическая, похожая на серый снег. Пыль не разлеталась, а держалась полосами, как дым в безветренной комнате.

Некоторые корабли лежали целыми, как будто их просто припарковали и забыли. У других не хватало половины корпуса, а края были не оторваны — срезаны. Аккуратно. Как по линейке.

- Повреждения странные, это точно не во время боя произошло, — прошептал Баха. — Это... похоже на списание. Демонтаж.

Ясность внес мой симбиот, который похоже плотно присел на информационные базы нашего трофея.

«Возможная причина демонтажа: снижение массы в зоне аномального градиента. Чем меньше масса — тем ниже риск захвата “клином”».

Кира смотрела на это всё и молчала дольше обычного. Потом тихо сказала:

- То есть они, когда уходили... резали и бросали всё лишнее, лишь бы успеть выскочить? Я кивнул.

- Да. И судя по масштабу... уходили не один раз. Это не «собрались и улетели». Это... медленное отступление. Пластами. И каждый «пласт» здесь лежит, как отметка — сколько раз они возвращались за следующей попыткой. Сколько раз не хватало тяги, энергии, времени. Сколько раз приходилось снова делать корабли легче, снова оставлять за собой мёртвое железо, чтобы выжить. Я даже боюсь себе представить, сколько лет всё это тут строилось и собиралось, а потом им всё это пришлось оставить... Потерять просто так, не в бою с врагами, а из-за природного катаклизма. Любого человека удар бы хватил, от масштабов потерь.

Баха переключил спектральный режим.

- Есть слабые энергопятна. Тут кое-где живы контуры питания до сих пор имеются. Но нестабильно... как будто всё держится на остатках... на конденсаторах, на накопителях.

Я почувствовал знакомое зудящее ощущение на коже. Не страх - предчувствие.

- Федя, - мысленно позвал я. – Просчитай риски, что будет если мы туда сунемся.

Пауза была короче, чем обычно.

«Риск высокий. Вероятность найти пригодные ресурсы - высокая. Вероятность обнаружить активный узел управления - низкая. Вероятность столкнуться с автономной защитой - средняя».

- Автономная защита... - повторил я вслух.

Кира сразу ожила.

- О! Развлечения! Меня хлебом не корми, только дай пострелять по всяким там турелям и роботам. Я уже соскучится успела, нас ведь уже несколько часов никто не пытался убить! Так что я обожаю автономную защиту. Особенно когда она древняя и тупая.

- Она не будет тупой, - занервничал Баха. - Она будет... «старой версии» СОЛМО. А это лютейший триндец в любом случае. Их «устаревшие» системы могут оказаться куда как круче наших современных. Нас управляющий хаб чуть на запчасти не разобрал, а это вроде и не совсем боевой корабль. Так что советую тебе не недооценивать это «старье».

- Вот тут я с Бахой согласен – Кивнул я – СОЛМО менялось. Тысячами лет меняло тактику, стратегию, вооружение в зависимости от обстановки. Тут можно встретить всё, что угодно. Но с другой стороны, ты Баха дурень ещё тот. Кира так просто шутит, и тебе бы уже пора привыкнуть к тому, что у неё кукуха со сдвигом по фазе.

- Эй! Я тут вообще-то! – Возмутилась Кира.

- Я знаю.

Мы подошли ближе к скоплению доков. Там, между двумя огромными рамами, висел корабль - толстый, тяжёлый, явно старый. У него была странная форма... корпус с килем, как у морского судна. Ранняя, грубая эстетика. И на нём - метка. Я даже не сразу понял, что вижу. Красная, выжженная прямо по композиту. Доки вокруг него выглядели как скелет огромного зверя: ребра ферм, суставы стыковочных узлов, кольца, на которых когда-то вращались шлюзы. Между рамами тянулись тонкие нити питающих магестралей — часть порвана, часть натянута и дрожит от каждого микросдвига поля. И всё это висело на фоне звёзд так спокойно, будто так и должно быть - будто космос всегда был свалкой.

Федя выдал:

«Маркер: «не вскрывать». Причина: «аномальная контаминация». Дополнительно: «опасность биологического заражения»

Кира медленно повернулась ко мне.

- Командир... скажи, что мы туда не полезем.

Я посмотрел на метку. Интересно конечно узнать, что же там такое страшное хранится, что даже роботизированная система СОЛМО, предназначенная как раз для борьбы с биоформами, пометила это хранилище как опасное. А с другой стороны, мы не в лучшей форме, чтобы этим заниматься, нам и так проблем хватает.

- Мы туда не полезем, - сказал я.

Кира явно облегчённо выдохнула. Я продолжил, глядя на Баху:

- Мы полезем... туда, где есть шанс найти чистые модули. Питание. Фильтрацию. Крио. Любую стабильную капсулу сохранения биоматериала. Без красных меток. Мне уже совершенно ясно, что Зага мы на этом корабле не вытянем, или он будет восстанавливаться без нашего контроля, и хрен знает, что из него получится. Оставлять его на попечение наших новых союзников я боюсь, у них свои стандарты нормального состояния живого организма. Как бы из того кокона, в который сейчас превратился наш друг, не вылупилось бы чудовище, на подобии бывших пленников корабля. Так что Зага нужно аккуратно заморозить и заниматься им уже под контролем наших медиков и на нашей планете.

Баха кивнул быстро, даже слишком.

- Есть один вариант, - сказал он. - Смотри. Вот здесь... сектор «12–В/Сервис». Малые доки. Ремонтные. Там не строили корабли, там обслуживали оборудование. И... - он увеличил зону. - Здесь есть пустой контур. Он отмечен как «холодный склад».

Кира прищурилась.

- «Холодный склад» звучит почти как «крио», да?

Симбиот подтвердил: «Возможное назначение: режим хранения. Температурная стабилизация. Возможна совместимость с сохранением биоматериала».

- Ладно, - сказал я, сжимая зубы. - Идём на «сервис». Аккуратно, без геройства.

Мы не шли — мы подкрадывались. Корабль держал ход на минимуме, как будто боялся громко дышать. Гравитационный фон здесь был мерзкий. Визор то и дело ловил микросдвиги: звёзды будто на мгновение «прыгали» на полпикселя, линии рам вдалеке становились кривыми, а затем снова выпрямлялись. Иногда казалось, что сам корабль чуть запаздывает за собственной тенью — не физически, а по ощущениям, как если бы поле вокруг пыталось вспомнить, где ты должен быть.

Свалка - или «массив», как её вежливо назвал симбиот — становилась ближе, и вместе с ней приходило ощущение масштаба: словно летишь вдоль обрыва, где вместо скал - доки, фермы, секции станций. Где-то торчали ребра каркасов, где-то - гладкие обрубки, как после огромной пилы.

Я вывел себе на визор «холодный склад». На карте он выглядел скучно: прямоугольный сегмент внутри сервисного блока. Ни красных меток. Ни явных предупреждений. Он выглядел почти новым. Даже подозрительно.

- Странно. Этот сервисный блок закрыт и с виду целый - пробормотал Баха. - Как будто его сюда переместили в рабочем состоянии.

Я ничего не ответил. Гадать сейчас нет смысла, эта свалка вообще была за гранью моего воображения. Возможно блок и целый, но меня это даже пугало, а не радовало. Если он в рабочем состоянии, то и его защитные системы могут быть активны, а мне сейчас категорически не хотелось снова драться и бороться за свою жизнь. Нам нужно пройти мимо этих развалин, попутно подцепив хоть что-то ценное и нужное, найти стабильную точку для гиперперехода, и возвращаться к своим.

Мы подошли к зоне малых доков. Тут уже не было «горной» эстетики - наоборот, всё стало похожим на улицы фантастического города: узкие, извилистые проходы между рамами, пучки кабелей, сегменты обшивки, повисшие на креплениях. И тишина. Такая, что слышно было собственный пульс.

Шлюз «12–В/Сервис» мы нашли не сразу: его заслоняла перевёрнутая секция какого-то грузового модуля. Она была срезана так аккуратно, что у меня снова свело живот. Срез блеснул даже сейчас - ровный, без рваных волокон композита.

Я коснулся панели управления, приказывая кораблю произвести стыковку, и наш трофей мягко коснулся корпуса сервисного блока, мгновенно перестроив свой корпус в районе контакта, и вырастив стыковочные крепления.

- Кира, слева. Заг... - я запнулся, и на секунду в канале повисло тяжёлое молчание. — Отставить! Справа я. Баха остаешься на корабле. За тобой контроль и страховка. Не лезем внутрь глубоко. Сначала просто осмотримся.

- Приняла, командир. — Скафандр Киры был уже в боевом режиме. Её симбиот покрыл тело моей подруги броней, вырастив уже знакомые шипы.

Баха дернул плечом:

- Только аккуратнее. Это всё же старые системы СОЛМО. А может давайте лучше впереди пойдут микродроны? Я нашел как ими управлять, как раз и потренируюсь.

- Это те, что нас на запчасти едва не разобрали? — Кира аж дернулась.

- То, что от них осталось – Подтвердил Баха – Осталось не много, честно говоря, всего около двухсот тысяч штук. Это облако размером с десантный бот примерно. Даже меньше. Для нас они не опасны. И кстати, это очень полезные штуковины, между прочим! Именно они предназначены для ремонта микросвязей и структуры живого металла, из которого на восемьдесят процентов корабль состоит. Миниатюрные, но всё же ремонтно-диагностические роботы. Нам бы их полный комплект конечно, и мы бы сами корабль восстановили.

- Полезные, ага... - В голосе Киры ясно читался скепсис – Не знаю, как они ремонтируют, но разбирают на запчасти они знатно!

- Хорошо Баха, делай – остановил я бесполезный спор – Только если они такие нужные, возьми только небольшую часть. Ресурсы корабля нужно поберечь. Разведка нам точно не помешает, не известно, чего мы там найдем.

И как будто соглашаясь со сказанным, уже мой скафандр выдал предупреждение: «Вероятность автономной защиты увеличилась. Причина: активность слабых контрольных контуров в районе шлюза».

- Ну вот, - сказал я, приказывая симбиоту тоже перейти в боевой режим. - Пошли развлечения.

Шлюз не открывался по-человечески. Он вроде и отреагировал на команду с моего корабля, но дернулся, и застыл, так толком и не открывшись. Очевидно тех крох энергии, что ещё оставались в его накопителях уже не хватало для штатной работы шлюза. Образовалась щель, в несколько миллиметров шириной. И только когда мы с Кирой, использовали грубую физическую силу и сформированные симбиотами вместо рук короткие клинья, створки разошлись окончательно.

Внутри было темно, что, впрочем, и не удивительно. Роботизированным системам свет не нужен, они отлично себя чувствуют и в полной тьме. Кира первой шагнула внутрь, медленно, как в воду. Её визор подсветил пространство тепловизором - и я невольно выдохнул: крупных тепловых пятен не было.

- Холодный, - констатировала она. – Ни каких признаков работающего оборудования.

Баха запустил небольшую стаю микродронов. Те поплыли вперёд, передавая информацию об увиденном на корабль.

И тут мы увидели, почему «холодный склад» так называется.

Палубы, как и в других подобных сооружениях СОЛМО тут не было, зато были крепёжные рампы, к которым крепились ряды контейнеров. Низкие, вытянутые капсулы, с виду очень уж на гробы похожие. На них - метки партий, номера, символы сервисных бригад. На части - следы механического демонтажа: вскрывали, вытаскивали, закрывали снова. Некоторые капсулы были пустые. Некоторые - замороженные насмерть, с инеем на стыках. А некоторые... работали.

Я услышал тихий звук, который в вакууме мог идти только по корпусу и через контактные датчики скафандра: ровное «тук... тук... тук...» - как сердцебиение, но слишком регулярное.

- Это, что, насос? - спросила Кира.

- Нет, - сухо сказал Баха. - Это контроллер. Периодический тест. Он... живой в смысле - не умер.

Я подплыл ближе к ближайшей активной капсуле. На панели было три индикатора: температура, давление и... что-то ещё, обозначенное символом, похожим на спираль.

«Спираль - биологическая активность. Это не АВАК. Неизвестное происхождение», - уточнил Федя.

У меня внутри всё стало холоднее, чем здесь.

- Командир, - Кира говорила тихо, без привычной бравады. - Это то, что нам нужно?

Я не ответил сразу. Потому что в этот момент активная капсула откликнулась. Не открылась - нет. Просто её индикатор биологической активности дернулся, как зрачок на свет. И по корпусу прошла еле заметная дрожь, как будто внутри кто-то повернулся во сне.

«Фиксирую реакцию на присутствие носителя симбиота. Возможная чувствительность к полю АВАК», - сообщил Федя.

Я даже не моргнул - только пальцы на руке, которая в боевом режиме моего скафандра была похожа на клешню, сжались сильнее.

- Так. Мы сюда за крио для Зага, а не за новыми тайнами. Не трогаем активные контейнеры. Ищем совместимый модуль хранения. Систему стабилизации. Питание. Всё остальное - потом.

- У тебя «потом» обычно наступает в виде взрыва или стрельбы, - буркнула Кира, но кивнула и начала методично просматривать ряд за рядом, не подходя близко к активным.

Я двинулся к сервисной стойке - центральному шкафу управления. Он был закрыт, но не заперт. Я откинул защитную крышку и симбиот тут же расшифровал мне то, что я там увидел - универсальный блок крио-управления.

Сердце стукнуло быстрее.

- Баха... - позвал я. - Кажется, нашёл.

- Ох... Это хорошо. Это очень хорошо. – Сейчас инженер тоже разглядывал находку, пользуясь моим каналом, и доступом к моему визору, который я ему временно предоставил - Универсальный крио-контур. С адаптивной камерой. Если он живой, мы сможем собрать капсулу под Зага. И даже - обеспечить транспортировку без риска разморозки.

«Использование для человеческой расы опасно! Требуется калибровка», - добавил Федя.

- Без тебя знаю. – Мысленно отмахнулся я - Но Баха разберётся, он на коленки генератор для отстрела биотехноидов сварганил, а с простой, пусть и СОЛМОВской техникой наверняка справится. К тому же и у меня медицинские базы есть, вместе мы как ни будь капсулу сварганим.

Кира на другом конце зала вдруг замерла. Я увидел, как её плечи чуть поднялись, а встроенное оружие непроизвольно дернулось, будто выискивая цель..

- Командир... у нас проблема!

Глава 4

Голос Киры был не резкий - наоборот, слишком ровный. Такой у неё бывал только в двух случаях: либо она держит себя в руках изо всех сил, либо видит что-то, что мозг пока отказывается принимать.

- Где? - спросил я, уже отталкиваясь от стойки.

- Дальний ряд. За сервисными капсулами. Я... - она сделала паузу, - я, кажется, нашла людей.

Я замер. Даже симбиот на долю секунды сбил ритм обратной связи.

- Повтори, - сказал я медленно. - Кого ты нашла?

- Людей, - отчётливо произнесла Кира. - Обычных. Человеческих. В криокапсулах.

Я подплыл к ней. Между рядами контейнеров обнаружилась ниша, экранированная от основного зала дополнительными ребрами жесткости. Там стояли другие капсулы - не стандартные СОЛМОвские. Гладкие, вытянутые, с формой, до боли знакомой.

Слишком знакомой.

- Это... - Баха говорил в канал почти шёпотом, - это человеческие криомодули. Старые. Очень старые. По стандартам... доэкспансионные. Даже не колониальные!

Я посмотрел на одну из капсул. Прозрачное смотровое окно было покрыто инеем, но сквозь него угадывался силуэт. Плечи. Голова. Руки, сложенные на груди. Человек.

- Это невозможно, - сказал я вслух, скорее себе, чем им.

Кира резко кивнула:

- Вот именно. Невозможно. Наша галактика в трёх миллионах световых лет отсюда. А судя по капсулам, эти ребятки из времени, когда люди ещё не знали про гипердвигатели. Даже если взять самый оптимистичный сценарий... - она махнула рукой, - обычный корабль, без гиперпереходов, без червоточин, без всей этой нашей чертовщины... они бы летели сюда дольше, чем существует человеческая цивилизация.

- Даже в криосне, - добавил Баха. - Даже если менять поколения кораблей. Даже если... - он запнулся. - Нет. Это просто не сходится.

Мой имплантат тут же подтвердил расчёты: «Вероятность самостоятельного межгалактического перелёта человеческой расы - пренебрежимо мала. Несовместимо с известными технологическими этапами».

Я чувствовал, как внутри нарастает то самое мерзкое ощущение, когда реальность начинает трещать по швам.

- Тогда откуда они здесь? - тихо спросила Кира. - Кто и когда их сюда притащил?

Ответ напрашивался сам собой. И он мне категорически не нравился.

- СОЛМО, - сказал Баха. - Или кто-то до них. Они собирали всё. Любые формы жизни. Любые технологии. Если они нашли человеческую колонию... корабль-разведчик... - он сглотнул. - Их могли просто... сохранить. Как образцы.

- Как запас, - добавила Кира зло. - Или как материал.

- Всё хуже, чем мы думали до этого - Медленно произнес я, только сейчас осознавая, что значит эта находка - Теперь всё сходится.

- Что сходится? - Кира удивленно посмотрела на меня.

- Ну смотри - начал перечислять я - Карантинный корабль СОЛМО, который встретил нас после прыжка, знал о людях, и о том, что мы с другой галактики. Он легко проник в наши системы, а ведь для этого нужно хотя бы знать логику и примерную структуру их построения. Вот так вот с ходу взял, и разобрался? Не верю, как говорил Станиславский! Он знал даже язык Содружества, если уж на то пошло! При этом это нам просто повезло, что эта падла была не

боевым кораблем. Это первое. Второе. Тебе не показалось, что часть технологий СОЛМО, хоть и отдаленно, но всё же напоминают человеческие? Оборонные системы нашего трофейного корабля вспомни? Турели, антибордажные роботы... Да ты на криокапсулы посмотри, что в этом складе стоят! Это наша, человеческая технология, только переработанная и усовершенствованная! Отсюда только один вывод. Разведчики СОЛМО были в нашей галактике! Собирали образцы и разведанные. А эта электронная тварь, ничего просто так не делает. СОЛМО тут зависло, воюя с АВАК, но уже думает о будущей экспансии, и следующая его цель видимо люди!

Я подошёл ближе и посмотрел на маркировку капсулы. Старинный аппарат, очевидно один из первых образцов. Символы были странные. Но структура обозначений... логика... очень напоминала сервисные теги Содружества. В голове у меня с трудом складывался пазл.

- Это не пассажиры, - сказал я. - Это груз.

Повисла тишина. Даже дроны Бахи будто стали двигаться осторожнее.

- Подожди, - вдруг сказала Кира. - Смотри сюда.

Она подсветила одну из капсул. Индикаторы были активны. Температура - стабильная. Давление - в норме. Биологическая активность... слабая, но ровная.

- Они живы, - сказала она. - До сих пор.

- Живы... - эхом повторил Баха. - Спустя... сколько? Десятки тысяч лет? Сотни?

- Вероятно использование нелинейного криорежима, - всмотревшись в капсулу ответил я, подключив свою медицинскую базу имплантата. - Временная деградация биологических процессов снижена до минимального уровня. Очевидно СОЛМО применяло подобные режимы для долгосрочного хранения редких форм жизни.

Я сжал кулаки.

- Значит так, - сказал я жёстко. - Они не летели сюда сами. Их привезли. Выдернули из своего времени, из своей цивилизации, и положили на полку. Как банки с консервами.

Кира отвернулась. Я видел, как у неё дёрнулась челюсть.

- Командир... - тихо сказала она. - А если... если их разбудить?

Я покачал головой.

- Мы не знаем, кто они. Откуда. Из какого времени. Что с ними делали. И главное - мы не знаем, что с ними станет вне этих капсул. Я не вижу на них скафандров, и симбиотов у них наверняка нет. Одно неверное действие - и мы их просто уберём.

Баха тяжело выдохнул:

- И даже если бы могли... - он посмотрел на индикацию состояния Зага, которая теперь висела у всех перед глазами, - у нас сейчас нет на это ресурсов. Вообще. Тут нужны медики и медицинское оборудование, а у нас только наши симбиоты, трофейный корабль, который не предназначен для людей, и несколько штук странных биоформ, которые нам не помощники в этом вопросе.

Я ещё раз посмотрел на людей в капсулах. На чужую судьбу, законсервированную посреди мёртвого железа и сломанной реальности. Тут их больше сотни, но некоторые наверняка мертвы уже окончательно и бесповоротно. Часть капсул не подавало признаков жизни, а значит и их содержимое выжить не могло.

- Мы их не трогаем, - сказал я наконец. - Фиксируем координаты. Забираем всё, что можем по крию для Зага. И уходим.

Кира кивнула, но не сразу.

- А потом? - спросила она.

Я задержался с ответом.

- Потом... - сказал я честно, - если мы выберемся отсюда живыми... если у нас будет выбор... мы сюда вернёмся.

И где-то глубоко внутри я уже знал: это «потом» обязательно будет.

Мы ещё пару минут висели в этой нише, как в чужой могиле. Доля этим людям выпала не завидная. Они жили, строили планы, мечтали, любили... пока не появился тот, кому на всё это было плевать. Что будет с ними, если мы их спасем? Пока они лежали в своих капсулах, прошли века, тысячелетия. Все, кого они когда-либо знали – уже давно мертвы и даже следа от них не осталось. Родители, жены, дети...

- Ладно, — первым нарушил молчание Баха. - Раз уж судьба решила ткнуть нас лицом в музей ужасов, давайте хотя бы заберём из него полезное. Капсула для Зага сама себя не соберёт.

Кира посмотрела на ряды человеческих модулей, потом - на меня.

- Найденов... я правильно поняла? Мы сейчас будем делать капсулу для Зага из раритета?

- Мы сейчас будем делать то, что работает, - ответил я. - Потому что времени на эстетические предпочтения у нас нет.

Баха, которого я срочно вызвал к нам, работал быстро, как всегда. Он уже снял с нескольких капсул внешние панели доступа и изучал их конструкцию.

- Смотри, - сказал он, выводя мне на визор схему. - Эти криомодули... древние конечно, но простые как молоток. У них понятная механика: охлаждение, циркуляция, изоляция. Никаких «умных» самовосстанавливающихся контуров СОЛМО, которые потом решат, что человек - это неправильная деталь, и начнут его «оптимизировать».

- Ну, звучит почти успокаивающе, - хмыкнула Кира.

- Нам нужен корпус, - продолжал Баха, игнорируя её. - Оболочка и камера. А начинку... начинку мы воткнём нашу. Точнее - трофейную. Универсальный криоконтур, который ты нашёл в сервисной стойке, - он ткнул на отметку. - Он адаптивный. Но рассчитан не на людей. Значит, мы берём человеческую капсулу как «кожу», а внутри делаем новое сердце и мозги.

Мой симбиот тут же вставил сухо, как диагноз:

«Рекомендую: исключить контакт носителя с внутренними поверхностями неизвестного происхождения. Биоконтаминация возможна. Требуется барьерный слой».

- Будет тебе барьерный слой, - буркнул Баха. - Я тут вообще-то инженер, а не погулять вышел. Разберусь.

- Спорное утверждение, - не удержалась Кира.

Мы выбрали капсулу, которая выглядела хуже других: боковая панель была сорвана, замки - перекошены, один из индикаторов мёртвый. Но внутри - пусто.

- Эта, - сказал Баха. - Её уже вскрывали, она списана. И самое главное: она не держит человека. Значит, мы не трогаем живых.

Я кивнул. У меня от мысли «вскрыть капсулу с человеком» руки сами сжимались в кулаки. Мы перетасили «списанную» на свободную рампу ближе к нашему шлюзу. Дроны Бахи роились вокруг, как пчёлы, только вместо мёда у них было желание залезть в самые неудобные щели.

- Кира, снимай внешний кожух, - сказал Баха. - Только аккуратно, ничего не повреди. Я не хочу, чтобы эта штука решила развалиться ровно тогда, когда в неё ляжет Заг.

Кира, конечно, сделала «аккуратно» по-своему: симбиот вырастил на её руке тонкий режущий клин, и она поддела крепёж так ювелирно, что у меня даже возникло подозрение: может, она раньше, в своем криминальном прошлом не только мошенницей была, но и сейфы вскрывала?

- Всё, — сказала она. - Вскрыла.

Внутри капсула оказалась... странно знакомой. Металл, пластик, композит - всё по человеческой логике. Даже если СОЛМО это потом «переварило», исходник был наш.

- Смотри сюда, - Баха ткнул на узел циркуляции. - Это теплообменник. Он сдох. Насос - тоже. Но камера герметична. И оболочка держит давление. Нам этого достаточно.

Я посмотрел на внутренние стыки, на наледь, которая покрывала ложемент. Воде и тому, что может замерзнуть в вакууме просто не откуда взяться, так что это по любому, наследство от прежнего владельца.

- А заражение? Тут хрен знает, что было, возможно труп валялся или даже разлагался. Федя прав, нужен стерильный барьер.

- Барьер, - повторил Баха задумчиво. — Микродроны! Они умеют ремонтировать живой металл. Значит, умеют строить микроплёнку. Мы заставим их выложить внутри капсулы нейтральный слой - инертный. Затем подключим универсальный криоконтур, но немного его переделаем и перенастроим, питание от магистрали управления возьмем... Всё понятно. Как два пальца об асфальт!

- Ну-ну – хмыкнул я – Только не забудь, что цена ошибки - жизнь Зага.

Сборка заняла больше времени, чем хотелось. Поле вокруг свалки подрагивало, корабль периодически «вздрагивал» корпусом, будто кто-то пробовал его на зуб. А мы, как идиоты, занимались медицинской инженерией в кладовке мёртвых доков.

Баха заставил микродроны прочистить внутренние каналы капсулы, потом - выложить барьерную плёнку. На визоре это выглядело как серый иней, который растёт не хаотично, а по законам геометрии. Дроны шли полосами, слоями, уплотняя поверхность до почти зеркального блеска.

- Красиво, - неожиданно сказала Кира.

- Да – Согласился я, наблюдая за работой дронов – Полезные штуковины. Как в ремонте, так и в обороне корабля. Будь на нашем месте парни в обычных штурмовых комплексах, эти штуки бы их мигом на запчасти разобрали. И ведь обычным оружием их почти не убить...

- Кто о чем, а Найденов всё о войне думает, и не о чем больше! Я тебе не об этом говорила! Солдафон!

Кира обиделась, хотя я и не понял, на что именно. Я даже ничего ей не ответил, только обреченно покачал головой. Мне вообще иногда казалась, что эту женщину я не знаю совершенно, хотя уже несколько лет мы почти не расставались. Вот что сейчас это было? Гормоны у неё опять играют, что ли?

- Готово! – Через несколько часов Баха наконец-то объявил о завершении работы. – Можно запускать!

- Вначале мягкая калибровка – Возразил я.

- Мягкая калибровка, - повторил Баха. - Это значит: сначала пустой прогон. Потом пробный на биомассе. Командир, у тебя случайно не завалился запасной кусок мяса?

- Пробный прогон на пустой камере, балбес. Нету у меня подопытных зверушек, разве только ты сам. Не хочешь? Вот времена пошли... Раньше изобретатели на себе свои изобретения испытывали, а теперь? Тфу! Запускай уже, не тяни.

Баха молча кивнул и запустил диагностику. Капсула ожила. Индикатор температуры пополз вниз медленно, нормально. Без скачков.

- Работает, - сказал Баха, и в голосе у него впервые за долгое время прозвучало облегчение. - Чёрт... работает.

- Поздравляю, - сказала Кира. - Мы сделали из антиквариата холодильник для Зага. Одной проблемой меньше. Осталось только... - она замолчала и посмотрела на меня. - Осталось только решить, что делать с нашими «освобождёнными».

«Освобождённые» - это было мягко сказано. Несколько биоформ АВАК, которых мы сняли с корон и «починили под себя», сейчас находились в отсеке нашего трофея. Они не были агрессивны, но и друзьями их назвать язык не поворачивался. Они существовали рядом, как соседний пожар: пока не разгорелся - можно жить, но спокойно не получится.

- Мы уже разобрались, что они не часть сети, - тихо сказала Кира.

- Я помню Кира, я не тупой. Местная раса, - поморщился я, так как про эту проблему старался пока не думать. - Интегрированная случайно. Или насильно. Их планета уничтожена СОЛМО.

- А в чем проблема? – Удивился Баха - У нас на борту не «биоружие», а просто беженцы. Они нам помогли разобраться с кораблем. Тем более, что мы их от управления уже отстранили, когда разобрались, что тут и как. Чем они могут быть опасны?

Кира хмыкнула, но без злости:

- Беженцы с симбиотами АВАК которые могут перегрызть корабль пополам. Ты же знаешь, на что симбиоты способны? А нас всего трое и один раненый, при этом один из нас нифига не боец.

- Ты мне фильм про мушкетеров пересказываешь? – Снова скривился я как от головной боли - Так я его смотрел, можешь не стараться. Хотя ситуация похожа, не спорю. Мы вроде как бы на одной стороне, а вроде как бы и отдельно... Только вот эти штуковины, совсем не гвардейцы кардинала, мы с ними не враждуем. Но делать что-то надо, согласен. На Мидгард их тащить, пожалуй, не стоит.

Я смотрел на схемы капсулы для Зага и понимал: мы не можем просто «выкинуть» биоформ в вакуум. И не можем везти их с собой без плана. Любой вариант пах кровью.

- Вариантов два, - сказал я. - Первый: оставить их здесь. В этом аду. Без питания, без ресурсов, на свалке, где всё может схлопнуться аномалией. Это не вариант.

Кира молча кивнула.

- Второй: забрать. Но забрать так, чтобы они не стали у нас на борту новой проблемой, — я посмотрел на Баху. — Нужен карантин.

Баха оживился мгновенно:

- Карантинный модуль мы сделать можем. Из тех же капсул, что тут нашли. Некоторые из них явно под этих чудищ заточены. Можем даже человеческие использовать, если ещё найдем пустые...

- Они не люди, - напомнила Кира. - Им кислород не факт что нужен. И питание у них... может быть излучением, полем, чем угодно.

- Значит, не кормим, а не даём умереть, - отрезал Баха. - Минимум: температура, влажность, давление - подстроим по их реакции. Пусть Федя мониторит.

Кира прищурилась:

- Ты сейчас предлагаешь нам их как-то заставить снова в овощи превратится? Как ты себе это представляешь? Я не думаю, что они согласятся добровольно.

- Я предлагаю с ними хотя бы поговорить, - ответил я. – К тому же они обещали мне подчинятся. Мы возвращаемся в нашу систему. Там есть связь с АВАК. Есть наши. Есть шанс найти для них место. Но до этого — они под нашей защитой. И под нашим контролем. А я не могу их сейчас контролировать, когда они просто шатаются где угодно по нашему кораблю.

- А если они не согласятся?

Я посмотрел на нишу с человеческими капсулами, на лица, которым даже не дали права проснуться.

- Я не знаю, будем решать, но пока мы хотя бы попробуем договориться, - сказал я. - В отличие от СОЛМО.

Глава 5

Я повернулся к отсеку, где находились биоформы. Там было тише, чем в остальной части корабля – почти мёртвая тишина, настороженная, как перед грозой. Они чувствовали нас. Всегда чувствовали.

- Ладно, - сказал я вслух, больше себе, чем остальным. - Пора разговаривать.

Мы шли медленно. Не потому что боялись — скорее потому, что не хотели спровоцировать. Симбиот мягко подсвечивал контуры: движения, поля, слабые энергетические всплески. Биоформы АВАК сидели полукольцом у стены, словно сами выбрали эту геометрию. Их тела уже не были тем хаотичным клубком щупалец и сегментов, какими мы их впервые увидели. Они менялись. Подстраивались. Где-то угадывались симметрия, опорные структуры, даже что-то вроде «позы ожидания».

- Они учатся, - тихо сказала Кира. - Адаптируются.

Я ничего не ответил, мне предстоял трудный разговор, и я мысленно готовился к нему, подбирая аргументы. Это не люди, я не знал, как они отреагируют на моё предложение, ожидать можно было чего угодно: от агрессии, до безоговорочного подчинения.

Одна из биоформ медленно сдвинулась вперёд. Она не выглядела угрожающе - скорее настороженно. По внутреннему каналу симбиота прошёл слабый импульс. Запрос.

«...контакт... разрешён?..»

Голосом это назвать было нельзя - скорее, ощущением, которое сразу накладывалось на мысли. Обрывки образов, фрагменты эмоций, чужая логика, но не враждебная.

Я сделал шаг вперёд.

- Мы не враги, - сказал вслух, хотя понимал, что слова вторичны. - Мы вас освободили. Но мы не знаем, что с вами делать дальше. Поэтому говорим честно.

Ответ пришёл не сразу. Сначала - волна боли. Потом страх. Потом... ярость. Чужая, древняя, сдавленная веками. Перед глазами вспыхнули образы: мир под жёлтым небом, тёплый, густой от жизни. Города - похожие муравейники, сплошной массив переплетенных жилых, рабочих, и инкубаторных секций. Огромные поля энергии, которые не жгли, а кормили обитателей этого мира – досыта, вкусно. И потом - тень. Холодная, структурированная, безличная. СОЛМО.

Захват был быстрым. Не война - сбор. Как урожай. Их не уничтожили. Их использовали как нужные запасные части, абгрейд для техники. Их перестроили под свои нужды, перепрошили, заставили служить. Те, кто сопротивлялся - погибли. Остальных разобрали на функции. Узлы. Короны. Контуры. Живые дешифровщики сигналов вражеской сети.

Я стиснул зубы. Кира тихо выдохнула, когда поток образов задел и её.

- Их планету... - прошептала она. - Её правда больше нет.

«...нет...» — отозвался отклик. — «пепел... тишина... мы - остаток...»

Баха выругался сквозь зубы.

- Чёрт. Командир... это даже не беженцы. Это... обломки цивилизации.

Я кивнул.

- И именно поэтому мы не можем просто оставить их здесь.

Я сделал шаг ещё ближе и сознательно ослабил фильтры симбиота, позволяя прямой канал. Голова тут же закружилась - чужая логика давила, как слишком плотный воздух.

- Слушайте меня, - мысленно сформулировал я максимально просто. - Мы не СОЛМО. Мы не будем вами управлять. Но и отпустить вас сейчас - значит обречь на смерть. У нас есть путь. Есть место, где можно искать решение. Но для этого вы должны согласиться на изоляцию. Временную. Карантин.

Пауза затянулась. Биоформы зашевелились, между ними пробежали импульсы - словно шёпот на языке, которого не существовало.

«...страх... снова клетки... снова сон...»

- Не сон, - твёрдо сказал я. - Не рабство. Контроль - да. Чтобы мы даже случайно друг другу не навредили. Вы под защитой. И под наблюдением. И если появится шанс вернуть вам хоть часть утраченного... мы попробуем.

Ответ пришёл неожиданно чёткий.

«...ты носишь узел! ...как хозяин! ...как СОЛМО!»

- Узел? - Я на мгновение застыл, стараясь понять, что они имеют в виду, но мне подсказал инженер.

- Имплантаты. Они имеют в виду наши имплантаты.

- А, это...

А ведь действительно. Мы наверняка для них не понятны. Мы живые и разумные существа, враги СОЛМО, у нас у всех есть симбиоты АВАК, но при этом так же у нас есть вживленные в мозг искусственные помощники, созданные с помощью чуждых АВАК технологий. Такими пользуются СОЛМО. Узел, как у хозяина, как у их врага...

- Да, узел у меня есть. - Согласился я - Но это он служит мне, а не я ему. Как этот корабль, которым я пользуюсь, отобрав его у врага. И этот узел создали мы сами - люди, для того, чтобы лучше воевать, лучше работать, лучше запоминать информацию и использовать её. Именно с помощью этого механизма я могу сейчас управлять кораблем. Технологии не всегда враждебны. Возможно именно благодаря им мы сможем найти ещё выживших представителей вашей расы. В этом хранилище, к которому мы пристыковались, есть сотни криомодулей, где до сих пор, тысячи лет хранятся в живом виде биологические организмы. И мы вернёмся сюда за ними, когда будем готовы, и освободим их всех.

Симбиот отозвался тёплой волной, как будто подтверждая сказанное.

Биоформы застыли на месте, видимо усваивая переданное мною сообщения, а я готовился к долгому спору.

«...мы согласны... временно... пока путь не откроется...»

Я медленно выдохнул. Только сейчас понял, что всё это время почти не дышал.

- Согласны, - повторил я вслух. - Хорошо.

Кира закрыла глаза и прислонилась лбом к переборке.

- Ну... поздравляю, Найденов. Ты только что стал владельцем собственного зоопарка из дрессированных чудовищ.

- Не впервой, - хмыкнул я устало. - У нас уже есть экипаж, который кто угодно назовёт цирком.

Баха фыркнул, но тут же посерьёзnel:

- Тогда я начинаю собирать карантинный блок. Из тех капсул, что подойдут под их физиологию. Придётся делать модульную систему...

- Делай, - кивнул я. - И аккуратно. Это не техника. Это... люди. По-своему.

Он молча кивнул и ушёл к дронам. Я ещё раз посмотрел на биоформы.

- Мы не обещаем, что будет легко, - сказал я напоследок. - Но обещаю: мы не будем делать с вами того, что сделали они.

В ответ пришло тихое, почти тёплое ощущение - что-то вроде благодарности. Где-то в глубине корабля тихо гудела новая капсула для Зага. В другом отсеке зарождался карантин для целого народа. А над всем этим висела тяжёлая, почти физическая мысль: мы только что взяли на себя ответственность, к которой никто из нас не был готов. И пути назад уже не было.

Мы разошлись почти молча - каждый к своему участку работы, будто боялись нарушить хрупкое равновесие, которое только что возникло между нами, биоформами и этим проклятым кораблём.

Капсула для Зага уже ждала. Баха успел превратить грудку древнего железа в нечто пугающе аккуратное: гладкая внутренняя камера, матовый инертный слой, мягкие гнёзда фиксации, интерфейсы, выведенные наружу. Всё выглядело слишком «медицински», слишком окончательно.

Заг лежал там же, где мы его и оставили. Симбиот вокруг его тела работал на пределе - удерживал жизненные параметры, компенсировал разрывы, гасил боль. Но я видел: он держится с трудом, на чистом упрямстве. Симбиоту не хватало питания для работы, и помочь мы пока ничем не могли.

Я аккуратно подхватил тело Зага и сам перенес его к криоморозильнику. Капсула раскрылась мягко, без шипения - словно раскрывалась живая раковина. Внутри было тепло, сухо, стерильно.

- Фиксация минимальная, - проговорил Баха. - Без жёстких контуров. Если его симбиот дёрнется - капсула подстроится.

Крышка медленно сомкнулась. Контурные загорелись мягким голубым светом. Индикация, изготовленная людьми прошлого, ещё работала как хорошо смазанный механизм. Температура поползла вниз, биополя стабилизировались, криоконтур вышел на рабочий режим.

- Запуск мягкой фазы, - сообщил Баха.

На индикаторе загорелась ровная линия. Жив. Я позволил себе выдохнуть только тогда.

С биоформами было сложнее. Подходящие под них, причем пустые капсулы пришлось поискать. Сложность так же заключалась в том, что мы не могли их переделать под будущих обитателей, ибо не знали про них почти ничего. В итоге пришлось брать с собой в хранилище представителя новых союзников, что, впрочем, и облегчило, и одновременно сильно осложнило нам жизнь. Капсулы со своими замороженными сородичами, и точно такие же пустые он нашел без проблем, но вот его эмоциональное состояние сильно ухудшилось, что передалось и остальным.

Они больше не хотели «капсул» - само слово теперь вызывало у них всплески тревоги.

Я снова вышел к биоформам.

- Это временно, - передал я. - Это не клетки. Это защита. Для вас и для нас. Мы не для того вас освобождали и спасали, чтобы потом причинить вред. Довертись мне, я вас не подведу.

Уговаривать их пришлось долго. Я уже и отчаяться успел, но в итоге в разговор вмешалась Кира. Она просто показала им капсулу Зага, что неожиданно стало для них весомым аргументом. Увидев, как мы поступили со своим товарищем, они больше не возражали против заморозки. Правда сам процесс тоже заставил нас понервничать.

Они выбрали добровольца! Того, кто испытает всё на себе. Первая биоформа всплыла в открытую капсулу, и инженер приступил к работе. Остальные особи буквально висели у него над головой, и лезли под руку, контролируя его действия. Переживал и я. С этим оборудованием мы не работали, и произойти могло всё, что угодно. Обошлось. Капсула заработала. Следом - вторая. Третья. Остальные больше не колебались, и последовали за ними.

Когда последняя из биоформ оказалась внутри своей капсулы, я с облегчением выдохнул. Теперь на нашем трофее в активном состоянии оставались только трое людей - Кира, Баха и я.

Мы наконец вернулись в рубку. Корабль всё это время дрожал - поле мусора, обломков и мёртвых конструкций вокруг нас жило своей жизнью. Свалка медленно смыкалась, как гравиационный водоворот. Пора было выбираться отсюда.

- Командир, - подал голос Баха, уже за пультом. - У нас проблемы с траекторией. Эта штука... она не просто мусор. Тут куча остаточных полей. Корабль тянет во все стороны.

На моем визоре пространство вокруг нас выглядело как клубок перекрученных векторов. Обломки древних станций, фрагменты кораблей, обрывки конструкций СОЛМО - всё это вращалось в странном, полуживом танце.

- Двигатели? - спросил я.

- Работают, но, если дать полный импульс - можем влететь вон в тот обломок. Или в тот. Или вон в тот. Выбор богатый.

Я прикрыл глаза на секунду и подключился к своему имплантату, приказывая искусственному помощнику просчитать варианты. Через несколько секунд у меня был план действий.

- Не бздите. Беру управление, - сказал я. – А вы давайте усаживайтесь поудобнее, и наблюдайте за работой профессионала.

- Вывози нас уже отсюда – профессионал. – Рассмеялась Кира – Я хочу в душ и нормально поесть, и, если я скоро этого не получу, кто-то пострадает.

- Боюсь я этого корабля и нового гиперпрыжка – Внезапно признался Баха – Куда как проще бы было, если бы у нас был корабль, построенный людьми.

- Тебе шашечки, или ехать? И этот довезет, я уверен. Расслабься и получай удовольствие.

Я с головой погрузился в управление. Поле вокруг корабля отозвалось. Я чувствовал его - не как пространство, а как напряжённую ткань. Где-то оно тянуло, где-то отталкивало. Остатки логики СОЛМО, мёртвые, но всё ещё влияющие.

- Медленно, - прошептал я, обращаясь к кораблю. - Не жми. Подстраивайся.

Корабль дрогнул... и вдруг движение стало плавным. Он отстыковался от сервисного блока, и заскользил. Мы не шли против течения, а вписывались в него. Один обломок прошёл в метре от борта. Второй - сверху, лениво вращаясь. Где-то вспыхнула остаточная дуга энергии, но поле вокруг корабля поглотило её.

- Чёрт... - прошептал Баха. - Мы реально плывём.

- Не плывём, - поправил я, усмехнувшись. – Идём или летим. Плавают только цветы в прорубе!

Корабль медленно, шаг за шагом, выбирался из хаоса. Напряжение росло - каждый неверный импульс мог разорвать нас на части. Но система слушалась. Симбиот, импланты, трофейные контуры - всё наконец работало как единое целое.

И вот - резкий спад давления. Пространство впереди разомкнулось. Тёмная, чистая пустота. Без обломков. Без шума. Мы вышли. На экранах загорелся стабильный фон. Навигация восстановилась. Опасные поля остались позади. Мы всё еще были среди гигантской свалки, конца и края которой не было видно, но уже в отдалении от опасных конструкций. В рубке повисла тишина.

Кира первой позволила себе выдохнуть:

- Ну... поздравляю всех. Мы только что вытащили из ада раненого, пару десятков полуживых инопланетян и сами остались целы.

Я устало рассмеялся:

- Обычный вторник.

Смех вышел короткий, хриплый - как кашель после дыма. И сразу же исчез. Потому что ничего ещё не закончилось, даже за пределами «опасных конструкций» свалка оставалась свалкой — живым полем мусора, остаточных сил и чужой воли. Просто теперь она не пыталась нас размазать каждую секунду. Пока.

На тактическом визоре вращался трёхмерный шар хаоса: миллионы обломков, куски станций, мёртвые секции, которые ещё хранили в себе слабые сигнатуры. В центре - мы. Маленькая точка.

Мы выбрали маршрут, который имплантат назвал «вероятностно безопасным». Красиво сказано: по сути — щель между потоками, где обломки двигались медленнее, а поля были слабее. Но тем не менее, мы удалялись от аномалии, благодаря которой оказались здесь.

Я снова погрузился в управление по связке - симбиот, имплантат, трофейный контур.

- Ладно, пошли дальше, - сказал я тихо.

Корабль ответил лёгким гулом, будто вздохнул. И мы двинулись. Управляя кораблем, я не забывал смотреть по сторонам, не переставая поражаться масштабом свалки. Слева прошёл фрагмент корпуса - огромный, с разорванными ребрами. На нём ещё мигали остатки сигналов, как нервные окончания у мёртвого тела. Справа медленно вращалась секция дока, и по ней ползла тонкая синяя дуга - остаточное поле пыталось восстановить структуру. Безуспешно, но упрямо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.